

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЯПОНИИ

Александр Юрьевич ИВАНОВ,
аспирант Института истории ДВО РАН

В процессе тесных контактов Японии с корейскими государствами и импортирования материковой цивилизации велика роль корейцев в распространении письменности на Японских островах. Судя по летописям «Нихонсёки», китайские иероглифы впервые проникли в Японию вместе с пэкческими учеными в IV в. Одним из самых древних доказательств распространения иероглифической письменности в Японии является надпись на «семизубцовом мече», датированном 369 г. Кроме того, при раскопках в префектуре Миэ был найден сосуд с иероглифами, который японские ученые относят к первой половине IV в.¹ В этот период в Японию приезжали переселенцы из Кореи с целью проявить свои умения и талант на новой родине. Среди этой огромной массы переселенцев было немало ученых-конфуцианцев, усвоивших весьма развитую этико-политическую систему взглядов древних китайских философов².

В японских исторических летописях достаточно много сообщается о корейских ученым, приезжавших в Страну восходящего солнца по приглашению японских императоров, в частности А Джик Ки (Адзики) и Ванина (Вани), которые сыграли значительную роль в воспитании императорской семьи и развитии культуры Асука. А Джик Ки, прибыв ко двору японского правителя, стал обучать грамоте и китайским наукам принца Удзиноваки Ирацуки. После него, по рекомендации А Джик Ки в Японию приехал Ванин, который привез конфуцианские канонические тексты *Лунь-юй* и книги для чтения иероглифов (Цень-цзы-вэнь)³, став, по официальной японской версии, зачинателем иероглифической письменности и конфуцианского образования в Японии, занимался персональным обучением отпрыска верховного правителя.

Д. Камстра по этому поводу предполагает, что А Джик Ки и Ванин (по японским источникам, первый — родоначальник корпорации писцов-переводчиков, второй — родоначальник корпорации заведующих письменными делами) могли активно участвовать также в написании «Кодзики» и скорее всего им принадлежит авторство данной версии⁴. Не исключается, что и более поздние летописи — «Нихонсёки» были написаны при активном участии потомков корейских переселенцев.

Прежде всего обращает на себя внимание, что сведения из «Нихонсёки», которые написаны на правильном китайском языке, в основном почерпнуты из материалов корейских летописей «Пэкчепонги» («Основные летописи государства Пэкче»), из преданий корейских кланов, в свое время мигрировавших в Японию, а также из материалов японских кланов, которые тесно контактировали с Кореей. Кроме того, в летописях «Нихонсёки» можно заметить, что в

Японии строго следили за событиями, происходившими в Корее, и правлением корейских ванов. Даже при беглом чтении летописей складывается впечатление, что речь идет не об истории Японии, а о Корее. Это является веским доказательством того, что японские хроники писали представители Кореи из числа чиновников, живо следивших за событиями на своей родине и вольно или невольно связывавших историю Японии с историей Кореи. Таким образом, служба образованного чиновничества из Кореи при японском императорском дворе привела к официальному принятию китайского письменного языка и использованию его в официальных целях, что способствовало укреплению центральной власти и активизации Японии на международной арене. Формирование класса образованных людей за счет пришлого чиновничества способствовало также ускоренному восприятию, накоплению и систематизации континентальной культуры, новой религии и философии, которая вряд ли бы могла быть передана только лишь устной речью⁵.

Познания же местных ученых в области конфуцианских наук не шли ни в какое сравнение с любым из чужеземных ученых, которые в то время прибывали в Японию в большом количестве. В «Нихонсёки» есть рассказ о том, как в 572 г. придворные историки, слывшие знатоками текстов, в течение трех суток читали послание, полученное императором Бидацу от вана Когурё, но так и не смогли перевести ничего вразумительного. И только один из недавно прибывших в Японию переселенцев Ван Сини смог прочитать и объяснить текст, за что был награжден и получил высокий пост при дворе императора, а писарям «Востока и Запада» (т. е. провинций Ямато и Кавачи) было сделано внушение⁶. Правда, объясняя незнание местных переводчиков, в «Нихонсёки» сообщается, что послание когурёского правителя оказалось написано на вороньих перьях, которые были так же черны, как письмена⁷.

Вполне возможно, корейские чиновники, по той или иной причине не выдержавшие конкуренции в борьбе за чиновничий пост, уезжали в Японию в надежде занять «доходное место», где появились даже целые кланы так называемых «людей кисти», которые практически монополизировали искусство и умение писать, читать, составлять документы на *ханмуне*, делая тем самым огромный вклад в развитие письменности на Японских островах. Представители Корейского полуострова получали от японского двора разрешение на профессиональную деятельность, связанную с письменными документами, и фамилию, указывающую на род их деятельности. В период правления Ямато — Суйко (592—628) в стране насчитывалось 28 родовых кланов, которым официально предписывалось работать с письменными документами и материальными памятниками, и большинство этих кланов включало в себя переселенцев с Корейского полуострова. Самыми известными из них были кланы с общей фамилией *фуми-но хито* (7 семей потомков Ванина), *адзики-но фумихито* (две семьи прямых потомков А Джик Ки), *ая-но атаэ* и *фунэ-но хито* (29 и 11 семей прямых потомков других корейских переселенцев соответственно)⁸.

После гибели корейских государств Пэкче и Силла число ученых-чиновников с Корейского полуострова, мигрировавших на Японские острова, значительно увеличилось. Среди них был известный ученый корейского происхождения Кисида Ёроси, занимавший в 733 г. должность начальника государственного департамента, задачей которого было копирование рукописей, привезенных с континента⁹.

Кроме чиновничества большой вклад в развитие письменности Японии сделали и корейские монахи, привозившие с собой буддийские сутры. Во времена Сётоку-тайси при дворе существовал целый штат монахов из Кореи, который занимался перепиской буддийских сутр и комментариев к ним¹⁰.

Вынужденно или по своей воле массово переселявшиеся на острова корейцы настолько активно популяризовали метод использования слов местного

происхождения при чтении китайской письменности, что японцы до сих пор соблюдают подобную традицию. Например, иероглиф 木 со значением «дерева» японцы читают исконным словом *сато*. Между тем этот иероглиф как в корейском, так и в японском языке читается как *ри*. Если объединить исконно японское *сато* и слово китайского происхождения *ри*, то слово *сатори* будет напоминать современное корейское *сатхури*, что означает «диалект», «специфический язык определенной местности». Этот пример подтверждает не только влияние представителей Кореи на процесс формирования японского языка, но и то, что корейцам так же, как и японцам, был свойствен своеобразный билингвизм, при котором одновременно использовались слова китайского происхождения и исконный язык.

Можно не сомневаться, что именно корейские ученые более-менее систематизировали изучение иероглифической письменности в Японии, познакомив японцев со способом чтения китайских иероглифов. Естественно, у корейцев существовал собственный способ произношения китайских иероглифов, причем корейцы из разных регионов и в разные периоды произносили тот или иной письменный знак по-своему. И японцы воспринимали звучание одного и того же слова от различных людей, приезжавших в разное время с Корейского полуострова, при этом долгое время испытывая трудности в запоминании и произношении чужеземных слов, в результате чего им часто приходилось при чтении китайских текстов использовать исконные термины.

Таким образом, корейцы в немалой степени повлияли на ту ситуацию в японском языке, которая сложилась на данный момент, когда в разных случаях используется несколько чтений одного и того же иероглифа. Например, в начале слова иероглиф 女 «женщина» читается как *дзэ*, в конце слова — *нэ*, а при самостоятельном использовании — как *онна* или *мэ*.

Но почему японцы, активно используя иероглифическое письмо, не менее активно употребляют при чтении аналогичных по значению иероглифов «исконно японские слова», а не китайскую фонетику?

Дело в том, что такая традиция возникла ещё в Корее, когда местная аристократия, изучая китайские иероглифы и запоминая их значение, сталкивалась с проблемой произношения этих иероглифов на китайский лад. Естественно, для них было намного проще и легче передать смысл того или иного иероглифа по-корейски, зная его только визуально. Позже, с миграцией корейского чиновничества в Японию такая традиция была привнесена и в японское общество, когда для выражения японских слов использовали смысловое значение иероглифов, читая, однако, при этом не по-китайски, а по-японски.

Впоследствии для корейской аристократии *ханмун* за многие годы тесных отношений с Китаем стал «вторым языком», и использование исконно корейских слов для чтения китайского текста потеряло свою актуальность. Что касается Японии, то на технические трудности чтения китайских иероглифов, свойственные для агглютинативных языков, наслаивался также тот факт, что японцы не имели непосредственных контактов с Китаем. В таких условиях они, чтобы использовать китайское письмо, должны были практически выучить китайский язык, который отличался от японского как по лексическому, так и синтаксическому составу. Но в ситуации, когда японские правители и племенная аристократия не особо заботились об изучении китайской письменности, считали, что услуг иностранных ученых будет достаточно, выучить китайский язык самостоятельно было почти невозможно. В складывавшейся в то время обстановке свою роль сыграли непосредственно контактировавшие с китайской культурой корейские переселенцы, которые стали переносить собственные традиции изучения иероглифов на японскую почву. Не исключено, что при получении японцами знаний о достижениях китайской культуры «че-

рез вторые руки», информация несколько искажалась. Среди переселенцев было достаточно людей, посредственно знавших китайскую письменность, но для японских правителей это были глубоко эрудированные люди, лишь потому, что они могли «расшифровать» неведомые для них тексты. Это умение, в основном заключавшееся в переписывании и подражании литературным творениям Востока, в течение нескольких столетий оставалось достоинством выходцев с материка и их потомков.

Проблемой в изучении китайского языка, несшего передовые идеи китайской культуры, являлось также отсутствие у японцев собственной письменности, при помощи которой можно было передавать значение китайских слов и записывать свои тексты на родном языке. Но с проникновением конфуцианских ученых с Корейского полуострова, принесших с собой идею использования слоговой азбуки *иду* (ныне утерянной), процесс создания японской национальной письменности, в основу которой было положено применение иероглифов, ускорился. Вследствие этого словарный запас японского языка начал пополняться огромным количеством китайских слов, для которых поначалу даже не было эквивалентов в связи с трудностью осмысления тех или иных понятий континентальной культуры. Благодаря проникновению китайской письменности, а позднее и развитию японской национальной азбуки в Японии к ее созданию приложили руку и представители Кореи — начался процесс накопления и сохранения передовой информации, которую теперь можно было передавать в «записанном виде в течение короткого времени гораздо большему числу адресатов, нежели при помощи устной речи»¹¹.

Создание национальной письменности позволило распространять записанную информацию в широкие массы, что повышало уровень информированности и знаний большинства японцев. Помимо этого, национальная письменность сыграла огромную роль в процессах этнической консолидации и формирования японской народности.

Процесс создания японской письменности начался с того, что прибывавшие в Японию корейцы к японским словам (сначала к существительным, затем и к другим частям речи) старались подбирать соответствующие по смыслу иероглифы. К этому периоду у корейцев уже был богатый опыт в использовании китайских иероглифов для записи корейского типа с учетом существенных типологических различий между корейским и китайским языками. В процессе складывания системы использования китайских иероглифов для записи слов (сначала имен собственных, географических названий и т. п.) и грамматических форм корейского языка в Корее, получившей название *иду*, было выработано несколько типов этой записи: эпиграфические (тексты на камнях или металле), эпистолярные («ичхаль») и записи древних корейских песен «хянга» VII—X вв. («хянчхаль») ¹².

По традиции родоначальником подобного письма в Корее считается силлакий ученый Сольчхон, выработавший в VII в. на основе китайской письменности метод записи силлаского языка — *хянчхаль*, или *иду*, путем подбора иероглифов по звуковому и смысловому значению. Но, по мнению корейских ученых (Хон Ги Мун, Ким Сок Хён), запись родной речи с помощью китайской иероглифики начала складываться значительно ранее VII в. Это подтверждается текстами эпиграфических памятников, например, надписями на кирпичах периода Когурё (IV в.), надписью на мече, сделанной мастером из Пэкче (V в.).

Своеобразие языка этих надписей позволяет ученым выделять особо системы «иду Когурё» и «иду Пэкче»¹³, заимствованные сначала Силла, а затем и Японией. Впрочем, отношения между Пэкче и Ямато были настолько близки, что культура этого корейского государства заимствовалась японцами напрямую без посредников. Например, надписи на Большом мече, изготовленном в Пэкче и найденном в кургане Фунаяма¹⁴, свидетельствуют не только о тесных культур-

ных и политических контактах Пэкче и Японии, но и том, что элементы системы «иду» были знакомы на Японских островах ещё в V в.

С течением времени, когда уже было трудно совмещать смысловую нагрузку иероглифа с произношением японских слов, для более точной передачи японского языка иероглифические знаки стали использовать просто как обычные фонетические знаки, абстрагировавшись от их значения¹⁵. Именно таким способом, получившим название *манъёгана*, ставшим родоначальником современной японской слоговой азбуки, был написан древнейший памятник японской письменности — «Кодзики», а также «Манъёсю» «Сборник десяти тысяч стихов», что само по себе явилось знаменательным событием в культуре Японии. Впоследствии трансформации подверглись и сами иероглифы. Для упрощения их написания брали лишь часть иероглифического знака, давая ему определенное звучание. Трансформацию иероглифов, в дальнейшем легших в основу создания японской письменности, можно заметить на следующих примерах: 保 (хо) → ほ (хо), 仁 (ни) → に (ни), 利 (ри) → り (ри), 知 (ти) → ち (ти)¹⁶. Именно таким образом появилась азбука *кана*, которую первоначально называли *манъёгана*, поскольку она впервые была применена в сборнике стихов «Манъёсю», отпечатанном ксилографическим способом по корейской методике.

Заслуга в создании собственной японской письменности традиционно приписывается Кукаю, хотя доказательств этого нет. Свидетельством же того, что японцы заимствовали слоговую азбуку именно у Кореи, является само название японской азбуки *кана* — «заимствованное письмо», которое, возможно, берет начало от первых двух знаков корейской слоговой азбуки *ка, на, да, ра, ма* (가나다라마)¹⁷, существовавшей в Силла еще в VII в. (в XV в. в Корее была разработана новая слоговая азбука *хангыль*, которая и поныне используется в корейском языке).

Несмотря на существенное влияние корейцев на распространение письменности на территории Японии и дальнейшее формирование национальной японской письменности, процесс создания собственного корейского письма был заторможен, в результате чего национальная корейская письменность появилась лишь в середине XV в., правда, уже в более совершенном виде, нежели *иду*. Причинами столь позднего появления корейского алфавита, видимо, является прежде всего социально-политическая обстановка, которая возникла накануне гибели государства Силла в IX—X вв., когда из-за внутривосточных распрей и раскола страны в период Позднего Троецарствия национальной науке придавалось наименьшее значение.

После установления новой династии Корё, ввиду следования корейского государства в фарватере конфуцианской идеологии, китайская письменность как отражение конфуцианской науки заняла главенствующее положение во всех сферах общественной жизни Кореи. Престиж знания китайских иероглифов, основанный на умении читать и интерпретировать каноны конфуцианских ученых, приводил к тому, что аристократия совершенно не интересовалась национальным языком, хотя традиционно являлась носителем передовых идей. Кроме этого, корейская аристократия уделяла большее внимание непосредственно зрительному знаку при почти полном игнорировании фонетики, что, собственно, не мешало владевшим иероглификой контактировать с носителями китайской цивилизации при помощи кисти. Такая тенденция привела к укреплению китайского языка в его кореизированной форме в качестве официального языка Корейского государства, что отбросило создание национальной письменности на несколько столетий. Другая ситуация наблюдалась на Японских островах. Чувство обособленности (политической или географической) Японии от материковой культуры, потребность внутреннего общения на архипелаге и попытка вследствие этого развить самобытную культуру подталкивали японскую аристократию создать в кратчайшие сроки собственную письменность.

- ¹ The Japan Foundation Newsletter, May 1996, V. XXIV. No. 2. P. 13.
- ² Прасол А.Ф. Первые учебные заведения и становление образования в Японии // Россия и АТР. Владивосток, 1998. № 4. С. 70.
- ³ Нихонсёки (Анналы Японии). Т. 1. Св.10 СПб., 1997.
- ⁴ Kamstra J. Encounter or Syncretism: The Initial Growth of Japanese Buddhism. Leiden, 1967. P. 218.
- ⁵ Sansom G. Japan: A Short Cultural History. Tokyo, 1996. P. 35.
- ⁶ Нихонсёки. Т. 2. Св. 20. СПб., 1997. С. 69.
- ⁷ Там же. С. 69.
- ⁸ Прасол А.Ф. Первые учебные заведения и становление образования в Японии. С. 71.
- ⁹ Сэнсом Г.Б. Япония: Краткая история культуры. СПб., 1999. С. 148.
- ¹⁰ Иофан Н.А. Культура Древней Японии. М., 1974. С. 145.
- ¹¹ Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 2. М., 1972. С. 25.
- ¹² Языки Азии и Африки. М., 1993. Т. 5. С. 288—289.
- ¹³ Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (стела Квангэтхо). М., 1979. С. 14.
- ¹⁴ Ким Сок Хён. Ильбон хунаяма кобунесо наон кхаре мёнъмуне техаё (О надписи на мече, найденном в японском древнем погребении Фунаяма) // Ёкса квахак. 1966. № 2. С. 194—200.
- ¹⁵ Иэнага С. История японской культуры. М., 1972. С. 68.
- ¹⁶ Sansom G. Op. cit. С. 221.
- ¹⁷ Там же. С. 163.

SUMMARY. The author of the article «Spreading the Japanese Written Language» Alexander Ivanov, basing on Annals of Japan, supposes that hieroglyphic written language in Japan appeared in the 4th century. Being care of political and geographical isolation of Japan from the mainland culture, the necessity of inner communication on the archipelago and the attempt to develop their own original culture urged Japanese aristocracy on creating the Japanese written language in the shortest time. In order to do it there were concentrated all innovations being created by the Japanese and their neighbors — Korea and China.